

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 21–25. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 21–25. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 394.5

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-21-25>

ШЕСТВИЕ МОСКОВСКОГО ПОСОЛЬСТВА 14 МАРТА 1613 Г. В ИПАТЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ: ВЕРСИИ СОБЫТИЯ

Ферапонт, Митрополит Костромской и Нерехтский (Кашин Дмитрий Витольдович), кандидат богословия, глава Костромской митрополии Русской православной церкви, ferapontk@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются два варианта описания событий 14 марта 1613 года в Костроме, положивших начало призыванию на царство Михаила Феодоровича Романова. Первый вариант основан на «Сказании Авраамия Палицына» и говорит о двух шествиях: посольства московского земского собора, отправившегося из села Селище, и костромского духовенства и граждан, вышедших из самого города; соединившись близ Ипатьевского монастыря, участники этих шествий направились к матери и сыну Романовым. Второй вариант основывается на тексте «Нового летописца»: из села Селище московское посольство пришло в Костромской кремль и уже затем, взяв из Успенского собора Феодоровскую икону Божией Матери, направились в Ипатьевскую обитель. Приводятся аргументы в пользу второго варианта, подразумевающие личную заинтересованность келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына в замалчивании той роли, которую сыграл Феодоровский образ Пресвятой Богородицы в призывании Михаила Феодоровича на царство. Отмечается, что объективное описание событий 14 марта 1613 года имеет особое значение в связи с воссозданием Костромского кремля.

Ключевые слова: Кострома, Дом Романовых, призывание на царство, Костромской кремль, село Селище, Ипатьевский монастырь, Феодоровская икона Божией Матери, Сказание Авраамия Палицына, земский собор.

Для цитирования: Ферапонт (Кашин Д.В.; Митрополит) Шествие московского посольства 14 марта 1613 г. в Ипатьевский монастырь: версии события // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 21–25. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-21-25>

Research Article

PROCESSION OF THE MOSCOW EMBASSY ON MARCH 14, 1613 TO HYPATIAN MONASTERY: VERSIONS OF THE EVENT

Ferapont, Metropolitan of Kostroma and Nerekhta (Dmitry V. Kashin), Candidate of Theology, Head of Kostroma Metropolis of the Russian Orthodox Church, ferapontk@ya.ru

Abstract. The article discusses two options for describing the events of March 14, 1613, in Kostroma, which marked the beginning of the calling of M.F. Romanov to become Tsar Michael of Russia. The first version is based on the “Tale of Avraamy Palitsyn” and speaks of two processions – the embassy of the Assembly of Moscow Land, which set off from the suburb village of Selishche, and Kostroma clergy and citizens, who left the city proper; uniting near the Monastery of St. Hypatius of Gangra; the participants of those processions went to the mother and son the Romanovs. The second version is based on the text of the New Chronicler – Moscow embassy came from the village of Selishche to Kostroma Kremlin and only then, having taken from the Assumption Cathedral the Icon of the Mother of God dedicated to Saint Theodore Stratelates, went to Hypatian Monastery. Arguments are given in favour of the second option, implying the personal interest of Avraamy Palitsyn, cellarer of the St. Sergius Trinity Monastery, in hushing up the role played by the said image of Our Most Holy Lady in begging Michael to become the tsar. It is noted that an objective description of the events of March 14, 1613, is of particular topicality as the cathedral of Kostroma Kremlin is being under reconstruction.

Keywords: Kostroma, House of Romanov, vocation to tsardom, Kostroma Kremlin, Selishche village, Hypatian Monastery, holy image of Our Lady of St. Theodore, Tale of Avraamy Palitsyn, Zemsky Sobor.

For citation: Ferapont (Kashin D.V.; Metropolitan) Procession of Moscow embassy on March 14, 1613, to Kostroma Hypatian Monastery: versions of the event. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 21–25 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-21-25>

День 14 марта (по старому стилю) 1613 г., когда в Свято-Троицком Ипатьевском монастыре состоялось призвание на царство Михаила Феодоровича Романова, является знаменательной датой в истории как Костромы, так и всей России; с XVII в. он отмечен установлением особого церковного празднования в честь главной костромской святыни, Феодоровской иконы Божией Матери. События этого дня многократно описывались и в научных сочинениях, и в популярной литературе. Обычно такие описания начинаются с шествия посольства земского собора (прибывшего из Москвы к Михаилу Феодоровичу и его матери инокине Марфе) и костромичей в Ипатьевскую обитель. Церковный ученый и краевед И.В. Баженов посвятил этому шествию статью «Московский и костромской крестный ход в Ипатьев монастырь 14 марта 1613 года», опубликованную в 1911 году [Баженов] и изображающую картину, ставшую традиционной для историков и краеведов. Согласно И.В. Баженову, шествий 14 марта в действительности было два. Возглавляемое архиепископом Рязанским и Муромским Феодоритом и боярином Ф.И. Шереметевым посольство земского собора, прибывшее в Кострому вечером 13 марта и остановившееся, не заходя в город, в селе Селище (или Новоселки) на правом берегу реки Волги, утром 14 марта перешло по льду на левый берег, к месту впадения в Волгу реки Костромы. Одновременно с этим – первым – шествием состоялось и второе: костромские священнослужители и горожане, взяв из Успенского собора Костромского кремля хранившийся там Феодоровский образ Божией Матери и другие иконы, крестным ходом направились в сторону Ипатьевской обители. Этот ход «прибыл к устью реки Костромы, впадающей в реку Волгу, и здесь-то соединился с московским крестным ходом. От этого сборного пункта соединенная процессия освященных соборов в совокупности московских и костромских великих святых (...) следовала по льду реки Костромы до самого Ипатьева монастыря...» [Баженов: 142].

Основанием для такого описания стал, пожалуй, самый известный источник сведений о событиях Смутного времени – «Сказание Авраамия Палицына» (или «История в память впредьидущим родом»), автор которого, келарь Троице-Сергиева монастыря и известный церковно-общественный деятель той эпохи, бывший участником посольства и лично наблюдавший происходившее, завершил работу над своим сочинением в 1620 г. Отец Авраамий изобразил события утром 14 марта так: «Заутра же архиепископ Феодорит со всем освященным собором облекошяся в ризы, а боярин Федор Иванович и вси пришедши с ним, учредивше чины по достоянию и взявше честный крест и вышепомянутый чудотворный образ Пресвятыя Богородица и прочаа святыя иконы,

поидоша ко обители Святыя Живоначальныя Троица в Ыпацкой монастырь. И егда приидоша на устье реки Костромы весь же церковный чин града того облекошяся во священныя ризы и взявше честныя кресты и чудотворныя иконы, изыдоша из града со множеством народа, с женами и з детми, и поидоша вкупе в той же Ипацкой монастырь» [Сказание Авраамия Палицына: 234]. Следует уточнить, что «вышепомянутый чудотворный образ» – это отмеченная в повествовании отца Авраамия чуть ранее икона Божией Матери, принесенная посольством (как и другая икона, образ святителей Московских) в Кострому из столицы. О московской иконе Пресвятой Богородицы упоминается и в других документах того времени, но ее название указывает лишь отец Авраамий Палицын, сообщающий: «...коже написал Петр митрополит» [Сказание Авраамия Палицына: 233]; следовательно, речь идет о Петровском образе Божией Матери, хранившемся в Успенском соборе Московского Кремля. Кстати отметим, что и иное именование села Селище – Новоселки – встречается только в сочинении отца Авраамия, костромские источники такого названия не знают [Зонтиков: 15].

Версия двух шествий (изложенная, в частности, И.В. Баженовым) до наших дней не подвергалась сомнению, она и сейчас излагается в работах костромских авторов [Зонтиков: 21–22]. Между тем в другом весьма авторитетном источнике, составленном около 1630 г. «Новом летописце», картина утра 14 марта изображается принципиально иначе – московские послы сначала приходят в Успенский собор Костромского кремля: «Архиепископ же Феодорит и боярин Федор Иванович Шереметев и все люди придоша в соборную церковь Пречистыя Богородицы и пеша молебны, и взяша чесныя кресты и месной чудотворной образ Пречистыя Богородицы Федоровския и многия иконы, и поидоша в Ыпацкой монастырь, и пеша молебны у Живоначальныя Троицы, и придоша к нему, государю, и к матери ево...» [Полное собрание русских летописей: 129–130]. У нас нет оснований подвергать эти сведения сомнению, ведь исследователи единодушно подчеркивают достоинства «Нового летописца» как источника, составитель которого проявляет «поразительную, даже для очевидца и современника описываемых событий, осведомленность» [Зотов: 179]. Такая альтернативная версия одного шествия нашла свое отражение и в «Новом летописце», и в связанных с ним текстах [Летопись о многих мятежах: 303]. Созвучно с «Новым летописцем» и изложение событий 14 марта в составленной, как полагают, игуменом Макариево-Унженского монастыря Леонтием в 20–30-х годах XVIII в. четвертой редакции «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» (первые три редакции «Сказания...», составленные в XVII столетии, никак не упоминают о про-

исходившем в 1613 г.) [Радеева: 349–350]. Кроме того, в исторических записках протоиерея Успенского собора города Костромы Иакова Арсеньева (эту рукопись, над которой автор работал с 1833 года, обычно называют «Летописью костромского Успенского кафедрального собора») также указывалось, что московские послы «из Нового Селища 14-го числа марта, препровождаемые всеми гражданами, шли в соборную города Костромы церковь» [Арсеньев: 2].

Противоречивость изложенных версий очевидна, а вот противоречия в источниках, на основании которых эти версии выстраивались, формально нет. Для согласования последних достаточно предположить, что отец Авраамий Палицын в своем описании событий 14 марта 1613 г. (возможно, сознательно) умалчивает о некоторых моментах, связанных с Феодоровской иконой Божией Матери и ее ролью в призвании Михаила Феодоровича на царство. Действительно, из «Сказания Авраамия Палицына» вовсе не следует, что московское посольство утром 14 марта направилось из Селища прямо в Ипатьевский монастырь, никуда более (то есть в кремль) не заходя. Да, такое впечатление создается у читателя «по умолчанию», но упрекнуть троицкого келаря на самом деле не в чем! Более того, картину такого же умолчания мы обнаруживаем в «Сказании Авраамия Палицына» далее, при описании умоления Михаила Феодоровича и его матери в Троицком соборе Ипатьевской обители. Отец Авраамий, вообще не упоминая о Феодоровской иконе, подчеркнуто обращает внимание читателя на икону Петровскую, принесенную посольством из Москвы. Это побудило некоторых современных исследователей сделать поспешный вывод о том, что и призвание Михаила Феодоровича на царство состоялось не перед Феодоровским, а перед Петровским образом Пресвятой Богородицы [Радеева: 71]. Но такое суждение опровергается как косвенными доводами (достаточно напомнить об удивительном, можно даже сказать небывалом почитании, которым Романовы окружили Феодоровскую икону сразу же после событий 1613 г.), так и внимательным рассмотрением собственно «Сказания Авраамия Палицына».

Отец Авраамий не скрывает того, что костромское духовенство шло в Ипатьевский монастырь, «взвешив честныя кресты и чудотворныя иконы» [Сказание Авраамия Палицына: 234], но не уточняет, о каких иконах идет речь. Принципиальная конкретика появляется лишь в кульминационный момент повествования, когда умоление на царство заходит в тупик из-за упорного отказа матери и сына Романовых. Положение изменяется благодаря решительным действиям архиепископа Феодорита и (вот она, истинная причина отмеченных нами умолчаний!) самого «келаря старца Авраамия»: «Видев же архиепископ и иже с ним, яко не успеха ничто же и толик труд подъяша,

желаемого же не получиша, и взем на руце свои чудотворную икону образ Пресвятыя Богородица, юже написал Петр митрополит, а троицкой келарь старец Аврамей взем образ великих чудотворцов Петра и Алексея и Ионы, и принесоша пред государыню. И рече архиепископ и келарь Аврамей: “Виждь, благовернаа великаа государыня Марфа Ивановна и благоверный и благородный великий государь Михаил Феодорович, виждь, что ради шествова с нами толик путь пречестнаа и чудотворная сия икона Богоматере и величьи святителие! И аще на милость не положили есте, но сего ради чудотворнаго образа всех Царицы Богоматере и великих ради святителей не мозите преслушати, но сотворите повеленное вам от Бога: во истинну бо от Бога избранни есте; и не прогневайте всех Владыку и Бога”» [Сказание Авраамия Палицына: 234–235].

Итак, архиепископ Феодорит и отец Авраамий взяли принесенные из Москвы Петровскую икону Богоматери (здесь указание на нее однозначно) и образ святителей Московских. А вот далее троицкий келарь, описывая мгновения, определившие судьбу России на последующие три века, прибегает к характерному умолчанию: «Тогда благовернаа государыня инока Марфа Ивановна многи слезы пред образом Пречистые излиа (...). Многа же и ина пред образом со многими слезами государыня изрече...» [Сказание Авраамия Палицына: 235]. О какой конкретно иконе здесь идет речь? О Петровской? Но точного указания на нее нет, хотя читатель и готов «раскрыть» умолчание троицкого келаря именно так. Мы же полагаем, что отец Авраамий здесь лукавит, как и при описании шествия в Ипатьевскую обитель, избегая прямого упоминания о Феодоровской иконе Божией Матери. И не перед Петровским (хотя он и находился рядом с главной костромской святыней), а именно перед Феодоровским образом Пресвятой Богородицы инокиня Марфа произнесла знаменитые слова, запечатленные тем же отцом Авраамием: «Се Тебе, о Богомати, Пресвятаа Богородице, и в Твои пречистей руце, Владычице, чадо свое предаю и, яко же хоцещи, устроиши ему полезнаа, и всему православному христианьству» [Сказание Авраамия Палицына: 235]. Наконец, совершаемое и сейчас церковное празднование 14 марта, о котором говорится и в «Новом летописце» [Полное собрание русских летописей: 130], было установлено в честь не Петровской, а именно Феодоровской иконы Богоматери.

В чем же причина такого отношения отца Авраамия Палицына к костромской святыне? Видимо, любое упоминание о Феодоровском образе Божией Матери в связи с событиями 14 марта, с точки зрения Палицына, принижало не только роль принесенных в Кострому святынь московских, но и роль самого отца Авраамия в призвании Михаила Феодоро-

веча на царство. Допустить такого старец не мог, да и в целом его произведение отнюдь не беспристрастно. Принципиальное отношение к сообщаемым отцом Авраамием сведениям наилучшим образом, на наш взгляд, выразил Н.И. Костомаров. «Мы далеки от того, – говорил он (Костомаров. – М. Ф.), – чтоб доверять безусловно Авраамию. В его рассказах есть легенды... старец немного и прихвастывает». Тем не менее Костомаров признавал за Сказанием Палицына и большую историко-литературную важность: он видел в нем прекрасный памятник “чувства и воображения современников”; он считал необходимым пользоваться данными Палицына хотя бы потому, что старец является в иных случаях единственным источником наших сведений. “Поверить (то есть проверить. – М. Ф.) – нечем, и отвергать вовсе – также нет основания”, – говорил Костомаров и признавал, что, передавая иногда рассказы старца, считал необходимым сделать при них оговорку: “Если только доверять Сказанию, которое передается самим тем, кто здесь играет столь блестящую роль”» [Платонов: 170]. И не случайно келаря-летописца упрекали в том, что он желал «внести в историю свой собственный панегирик» [Платонов: 169].

Небезынтересно проследить, как исторически складывалась версия двух шествий. Мы ссылались на статью И.В. Баженова, но Иван Васильевич являлся лишь популяризатором такого мнения, а впервые утверждение о шествии посольства из Селища прямо в Ипатьевскую обитель прозвучало много раньше. В «Собрании исторических известий, относящихся до Костромы» И.К. Васькова, изданном в 1792 г., повторялась версия одного шествия (возможно, заимствованная из «Летописи о многих мятежах...») [Васьков: 53–54]. В 1832 г. епископ Костромской и Галичский Павел (Подлипский), плодотворно занимавшийся историческими исследованиями, опубликовал «Описание костромского Ипатьевского монастыря», где цитировал отрывок будто бы из монастырской летописи – а в действительности выписку из «Сказания Авраамия Палицына», сделанную существенно позднее создания самого сочинения отца Авраамия (о чем свидетельствует употребляемое в тексте выписки титулование Михаила Феодоровича самодержцем «всех Великих и Малых и Белых России») и дополненную некоторыми деталями. О шествии посольства в выписке говорилось лаконично: «И поидоша чрез великую реку, глаголемую Волгу, ко обители Живоначальной Троицы в Ыпацкой монастырь» [Подлипский: 50]. Но в таком же описании, составленном протоиереем Михаилом Диевым и изданном в 1858 г., мы встречаем уже оформленную версию двух шествий: «Между тем как священная процессия (московское посольство. – М. Ф.) подходила к устью, где река Костро-

ма сливает свои воды с волжскими, называемому Стрелка, в это время костромское духовенство, также в облачении, вышло из собора с чудотворной Феодоровской иконой Богородицы как святой хоругвью города, в соупутствии многочисленного народа, и соединилось с посольством» [Диев: 65]. Аналогичную картину изобразил протоиерей Павел Островский в своей книге, изданной в 1864 г.: «На том месте, где река Кострома сливается с Волгой, соединились Москва и Кострома...» [Островский: 59]. И наконец, в 1887 г. И.В. Миловидов, комментируя документ из архива Ипатьевской обители (еще одну выписку из «Сказания Авраамия Палицына» о событиях 1613 г.), указывал: «Очевидно, от Селищ к Ипатьевской обители посольство переходило чрез Волгу по льду» [Миловидов: 7].

Учитывая сказанное выше и критически оценивая сведения из «Сказания Авраамия Палицына», мы можем предложить следующую реконструкцию событий утра 14 марта 1613 г. Проведя ночь с 13 на 14 марта в селе Селище, ранним утром московское посольство по льду перешло реку Волгу и, несколько пройдя вниз по течению реки, прибыло в Костромской кремль. Совершив в кремлевском Успенском соборе молебен пред Феодоровской иконой Божией Матери, посольство, взяв этот образ Пресвятой Богородицы и другие чтимые костромские святыни (имея при этом с собой и святыни московские), торжественным шествием направилось в Ипатьевский монастырь. Весьма вероятно, что костромское духовенство и жители города ожидали эту процессию на городской окраине, у места впадения реки Костромы в Волгу (как об этом писал отец Авраамий). Назначить в качестве «сборного пункта» [Баженов: 142] для костромичей, отправляющихся в Ипатьевский монастырь, место за чертой города и вблизи самой обители было весьма разумно: если, предположим, горожане собирались бы в кремле или около него, многолюдная толпа перекрыла бы улицы и московское посольство не смогло бы пройти в Успенский собор.

Полагаем, место для полемики в данном вопросе остается. Тем не менее, предполагая в «Сказании Авраамия Палицына», являющимся первоисточником версии двух шествий, приниженное значение костромских святынь в рассматриваемом событии, считаем версию одного шествия более объективной и обоснованной. Сейчас, когда на наших глазах совершается восстановление Костромского кремля, нам требуется вместе с тем и воссоздание памяти о славных страницах истории кремля и его главной святыни, Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы. Не подлежит сомнению, что такое воссоздание должно основываться на всей совокупности имеющихся в нашем распоряжении исторических сведений.

Список источников

Арсеньев И.А., протоиерей. Летопись костромского Успенского кафедрального собора. Костромская областная универсальная научная библиотека. Инв. № ЦРМ 416032.6 [Рукопись].

Баженов И.В. Московский и костромской крестный ход в Ипатьев монастырь 14 марта 1613 года // Костромские епархиальные ведомости. 1911 (1 марта). № 5. Отдел неофициальный. С. 139–145.

Васьков И.К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы: Сочиненное полковником Иваном Васьковым. М.: Тип. М. Пономарева, 1792. 64 с.

Диев М.Я., протоиерей. Историческое описание костромского Ипатского монастыря. М.: Тип. Александра Семена, 1858. 90 с.

Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Иоанна Васильевича; а паче о междугосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствование благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году. СПб.: Тип. сухопутного кадетского корпуса, 1771. 366 с.

Миловидов И.В. Содержание рукописей, хранящихся в архиве Ипатьевского монастыря. Кострома: Губернская типография, 1887. Вып. 1. 104 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археологической комиссией. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. Т. 14. Первая половина: I. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. II. Новый летописец.

Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых. Кострома: Тип. Андроникова, 1864. 247 с.

[Павел (Подлинский), епископ.] Описание костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Феодорович Романов умолен знаменитым посольством московским на царство Русское: Составлено из подлинных монастырских бумаг. М.: Синодальная типография, 1832. 128 с.

Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. 372 с.

Сказание Авраамия Палицына / под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 344 с.

Список литературы

Зонтиков Н.А. Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме: К 230-летию возведения в камень, 1779–2009 гг. Кострома: ДиАр, 2010. 368 с.

Зотов А.М. «Новый летописец» как памятник литературы первой трети XVII века: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1999. 228 с.

Радеева О.Н. Сказание о Федоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2011. 369 с.

References

Zontikov N.A. *Tserkov' sviatykh muchenikov Aleksandra i Antoniny v Selishche v Kostrome: K 230-letiiu vozvedeniia v kamne, 1779–2009 gg* [Church of the Holy Martyrs Alexander and Antonina in Selishche in Kostroma: To the 230th anniversary of the construction in stone]. Kostroma, DiAr Publ., 2010, 368 p. (In Russ.)

Zotov A.M. "Novyi letopisets" kak pamiatnik literatury pervoi treti XVII veka: dis. ... kand. filol. nauk ["New chronicler" as a literary monument of the first third of the 17th century: PhD thesis]. Novosibirsk, Institut filologii SO RAN Publ., 1999, 228 p. (In Russ.)

Radeeva O.N. *Skazanie o Fedorovskoi ikone Presviatei Bogoroditsy v knizhnoi kul'ture Rossii XVII–XVIII vv.: dis. ... kand. istor. nauk* [The Legend of the Fedorov Icon of the Most Holy Theotokos in Russian Book Culture in the 17th–18th Centuries: PhD thesis]. Moscow, 2011, 369 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 19.12.2021; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 26.11.2021; approved after reviewing 19.12.2021; accepted for publication 09.02.2022.